

Девятый год правления Южной династии, третий год после восхождения на престол нового императора. Шэнь Наньтянь получил звание генерала, и Шэнь Аньгэ, наблюдая, как в поместье вносят ящик за ящиком с наградами, ликовала от восторга.

Труд её отца наконец был замечен государем и удостоен почестей. Все вокруг поздравляли его с повышением. Десятилетия службы, множество усмиренных восстаний, любовь простого народа — казалось, впереди ждёт лишь благоденствие.

Сегодня был праздник фонарей. Отец отправился в поход несколько дней назад, но в письме обещал вернуться как раз к этим дням. Радость переполняла Шэнь Аньгэ: отец и старший брат наконец вернутся домой, и семья снова воссоединится.

Кто бы мог подумать, что в такой светлый праздник небо затянут грозовые тучи.

Сердце государя оказалось непредсказуемым. Верный семье Шэнь род был полностью приговорён к изгнанию, и никого из них больше не позволили бы призвать ко двору. Ослепительно-жёлтый императорский указ был брошен прямо к ногам Шэнь Аньгэ. Её лицо, ещё мгновение назад сиявшее ожиданием встречи с отцом, вмиг исказилось.

В главном зале стоял чёрный гроб. Она изо всех сил старалась держаться, чтобы подойти и взглянуть — она не верила, что отец вот так погиб. Но стоило ей убедиться в обратном, как ноги подкосились, и она без сил рухнула на пол.

Шэнь Аньгэ отшвырнула указ и бросилась к матери.

Главный среди стражников произнёс:

— Госпожа Шэнь, генерал Шэнь обвиняется в предательстве и сговоре с врагом. Милостью государя, поскольку последствия ещё не стали необратимыми, вам позволено увидеть его в последний раз. Завтра весь род Шэнь будет отправлен в ссылку за три тысячи ли. А вы, госпожа Шэнь, учитывая прошлые заслуги вашего отца и то, что местонахождение офицера Шэня до сих пор неизвестно, можете остаться — вас ссылка не коснётся.

Ха! С самого детства отец учил её, что долг чиновника — разделять заботы государя, а главная цель жизни — избавить народ от страданий. Как он мог предать?

Это же просто насмешка!

Она закричала:

— Мой отец не мог предать страну! Выяснил ли государь правду? Я требую аудиенции!

Стражник ответил:

— Это личная воля государя. Госпожа Шэнь, не стоит сопротивляться, он вас не примет.

Мать, полная ненависти к правителю, сидящему в тронном зале, твердила о несправедливости, вспоминая годы, прожитые с отцом, и на глазах у дочери с размаху ударилась головой о гроб мужа.

Аньгэ не понимала, почему праздник, который должен был стать днём воссоединения, обернулся таким кошмаром. Она оцепенело вспоминала последние слова матери: Береги себя, живи во что бы то ни стало.

В эту страшную ночь от неё отвернулись даже женихи, расторгая помолвки и бросая в лицо грязные слова. Её называли проклятой, губительницей, что свела в могилу родителей, а теперь пытается сгубить их сыновей.

Она видела, как забирают в ссылку её последнюю опору — Юнь Чжи, но была бессильна что-либо сделать. Опустив руки, она даже начала сомневаться в собственном существовании. Она надеялась на помощь дяди, но тот лишь запер её в поместье, чтобы преподнести как подарок внезапно возвысившемуся регенту.

Слова матери эхом отдавались в ушах, и она решила подыграть судьбе: старалась угодить ему, стала его аптечным рабом, грела ему постель — лишь бы разузнать правду о деле отца.

Небеса сжалились. Пожертвовав достоинством ради выживания, она наконец докопалась до истины, но не смогла одолеть истинного убийцу в схватке. Даже сражаясь до последнего вздоха, она не успела разглядеть его лица и погибла в мучениях.

Она ненавидела себя за то, что когда-то не послушала отца и не стала учиться боевым искусствам. Теперь месть не удалась, и она закончила жизнь столь жалко.

Если бы можно было начать сначала, она бы сделала всё возможное, чтобы защитить семью и искоренить угрозу, нависшую над отцом.

Неизвестно, было ли это из-за слишком сильной обиды, которая не давала душе переродиться, но её призрачная сущность постепенно растворялась, погружаясь во тьму.

В комнате девушка на кровати покрылась испариной, брови были сурово сдвинуты, а пальцы впились в одеяло, побелев от напряжения.

Казалось, кошмар не отпускает её, не давая вырваться из плена. Во сне она чувствовала влагу на руках — ярко-алая кровь стекала по её пальцам. Это была кровь матери, которую она держала в объятиях. Этот кровавый цвет повергал её в бездну ада.

— Матушка! — Шэнь Аньгэ резко села на кровати.

Внезапный крик встревожил Юнь Чжи, спавшую в соседней комнате. Она взяла фонарь, подошла к кровати и поставила свечу на столик. Только тогда она увидела мелкие капли пота на лбу своей госпожи и её тяжёлое, прерывистое дыхание.

Юнь Чжи поспешно позвала:

— Госпожа? — Увидев, что та молчит, она позвала снова: — Барышня?

Взгляд Шэнь Аньгэ был пустым, зрачки слегка расширены, словно она пережила нечто ужасное.

Юнь Чжи достала платок и вытерла пот со лба девушки, с жалостью произнеся:

— Барышня, неужели вам снова приснился кошмар?

Шэнь Аньгэ постепенно приходила в себя. Она отрешённо смотрела на Юнь Чжи, зрачки её начали сужаться. Она спросила:

— Юнь Чжи, отец ушёл в поход?

Юнь Чжи удивилась и нахмурилась. С тех пор как несколько дней назад госпожа упала с лошади и потеряла сознание, после пробуждения она часто задавала странные вопросы. То спрашивала, всё ли в порядке с господином, то гладила лоб госпожи, спрашивая о ране, то интересовалась, где старший брат. А сегодня и вовсе спросила, не в походе ли отец.

— Барышня, господин в поместье, ни в какой поход он не уходил. Я думаю, вы стали слишком часто видеть кошмары. Может, стоит пригласить лекаря? Пусть выпишет отвар для успокоения духа, чтобы вы могли крепче спать.

— Который сейчас час?

— Уже час Быка, барышня.

В который раз ей снится прошлая жизнь? В третий? Картины прошлого неотступно преследовали её, кружась перед глазами и терзая душу.

Каждый раз, просыпаясь, она подсознательно проверяла, не происходит ли это наяву. Она не хотела постоянно видеть эти сны, возможно, и правда стоит, как советовала Юнь Чжи, показаться лекарю.

— Давай позже. Я ещё посплю, только матери не говори.

— Хорошо, тогда я позову лекаря, как только рассветёт.

Юнь Чжи помогла ей лечь, а видя, что та всё ещё не может успокоиться, начала похлопывать её по плечу, сидя рядом.

Глядя на это, Шэнь Аньгэ улыбнулась. Юнь Чжи была всего на два года старше неё, но в своих действиях казалась такой рассудительной.

Та продолжала её успокаивать, но сама Аньгэ уже не могла уснуть.

— Юнь Чжи, иди тоже отдохни, я уже в порядке.

Юнь Чжи подшутила над ней:

— Барышня выросла. Раньше, если приснится кошмар, вы ни за что не отпустили бы меня, пока я не убаюкаю вас.

Юнь Чжи не понимала, а сама Аньгэ не могла признаться, что это был не просто кошмар, а пережитое на самом деле.

Когда Юнь Чжи ушла, у Шэнь Аньгэ пропало всякое желание спать. Она протянула руки перед собой и при свете свечи стала внимательно их рассматривать.

Эти руки были нежными и белыми, с розовым оттенком, совсем не похожие на иссохшие, бледные конечности из её видений, и на них не было крови.

Да. Она снова жива.

После того как отца ложно обвинили в предательстве и он погиб на поле боя, мать ушла вслед за ним, а её саму преподнесли в дар как вещь, после того как она погибла, пытаясь отомстить за родителей — она вернулась к жизни. И вернулась именно в тот год, когда ей исполнилось пятнадцать.

В день, когда она очнулась, по словам Юнь Чжи, она была на ипподроме и, несмотря на уговоры окружающих, упрямо решила состязаться в верховой езде с дочерью канцлера, чтобы выяснить, кто из них лучше. В итоге она упала с лошади, и брат Чжоу Цзин принёс её обратно.

Ха, — она тихо усмехнулась. Как она могла в юности совершить такую глупость? И так понятно, что об этом уже судачил весь Чанъюань. Вспоминая прошлое, ей хотелось провалиться сквозь землю.

Должно быть, она тогда доставила отцу и матери немало хлопот.

С того момента, как она очнулась, прошло несколько дней, прежде чем она поверила, что действительно вернулась в пятнадцатилетие. В этом году она только достигла возраста заколки, была в самом расцвете сил, помолвка ещё не была заключена, родители были живы, Юнь Чжи не была сослана, а в поместье Шэнь по-прежнему царила суета.

Если подумать, всё ещё можно исправить. Глаза Шэнь Аньгэ внезапно вспыхнули, на лице появилась жизнь.

Она опустила руки и посмотрела на луну за окном. В этой жизни она обязательно пресечёт все беды до того, как они случатся, и никогда не позволит истории повториться.

Юнь Чжи всегда была исполнительной: как только рассвело, она привела лекаря. Вместе с ним пришла и мать.

Они сразу прошли во внутренние покои, где лекарь сел ждать, пока его позовут.

— Матушка, почему вы пришли?

— Лекарь был у меня, а узнав от Юнь Чжи, что ты приболела, я испугалась, что твоя рана воспалилась, вот и пришла.

— Гэ-эр, у тебя снова болит рана?

Шэнь Аньгэ с досадой успокоила мать:

— Матушка, я в порядке. Просто в последние дни мучают кошмары, вот и решила позвать лекаря, чтобы посмотрел.

Когда Шэнь Аньгэ привела себя в порядок, мать велела Юнь Чжи пригласить лекаря. После нескольких вопросов и осмотра пульса через шёлковую подушечку, тот сказал:

— Похоже, барышня в последнее время слишком много тревожится, отчего возник застой в груди. Сейчас я выпишу три порции лекарства, а барышне советую отпустить все заботы и больше отдыхать. Если не станет лучше, я приду снова.

Юнь Чжи проводила лекаря, а мать с беспокойством смотрела на Шэнь Аньгэ.

— Гэ-эр, ты слишком много тревожишься? Что тебя так гложет? Расскажи матери.

Шэнь Аньгэ хотела было объяснить, что ничего особенного не случилось, но увидела, как мать внезапно прозрела и добавила:

— Это из-за того юноши из семьи Чжоу?

<http://bllate.org/book/18485/1773588>